

манастира жытие свое спросное до смерти **в**плакивала (Зб. 259, 1846);
ночь мене тутъ зашла, идѣю з **в**дного монастыря (Пралог, 4906).

Прыблізна гэтак жа прадстаўлена лексема *манастир* і ў “Словнику староукраїнської мови XIV–XV ст.” [5, с. 611–613].

Цікава адзначыць, што ў помніках старабеларускага і стараўкраінскага пісьменства сустракаецца і мясцовая (яўна народна-дыялектная) форма *намастыр*, якую Макс Фасмер узводзіць да *на* і *мост*. Параўн.: *Брошу миръ, паду нымастырь* [2, с. 417].

Лексема *манастир* у сучасных усходнеславянскіх мовах набыла і фразеалагічна звязанае значэнне. Параўн.: *Мы канкрэтныя выпадкі ў духу гуманнасці будзем заўсёды вырашаць. Але зноў-такі ў рамках нашых законаў. І вы са сваім статутам у чужы **манастир** не лезьце* (“Звязда”); *Казалі, Шлык можа падвесці пад **манастир**: парайце нешта, скіраваць ў зусім другі бок, а потым абсмяяць, паказаць пры ўсіх, які ты дурань* (Я. Радкевіч) [3, т. 1, с. 567; 3, т. 2, с. 117].

Літаратура

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 18 / пад. рэд. А.М. Булыкі. Мінск: Беларуская навука, 1999. 374 с.
2. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П.А. Силина, 1914. 1022 с.
3. Лепешаў І. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: У 2 т. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1993. Т. 1: А–Л. 589 с.; Т. 2: М–Я. 607 с.
4. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / АН СССР. Институт русского языка; Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1982. 360 с.
5. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: У 2 т. Т. 1: А–М / Ред. тому: Л.Л. Гумецька, І.М. Керницький. К.: Наукова думка, 1977. 632 с.
6. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 2, ч. 1: Л–О. М.: Книга, 1989. 852 стб.
7. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1984. 842 с.

Л.Р. Супрун-Белевич

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА БЕЛОРУССКОГО ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК (на примере рассказа В. Короткевича “Країна Цыганія”)

Перевод художественного прозаического текста позволяет выявить типовые способы передачи содержания оригинала средствами переводящего языка. Анализ подлинника и перевода дает возможность

судить о том, насколько точно переданы содержательные и структурно-композиционные компоненты текста, определить специфические трудности, вызванные различием систем контактирующих языков. Эти задачи решались при сопоставлении оригинала рассказа Владимира Короткевича “Краіна Цыганія” и его перевода на болгарский язык, сделанного в 1977 г. Симеоном Владимировым для сборника-антологии современного белорусского рассказа “10 беларускі разказвачы”.

Текст отличается ярким стилистическим своеобразием. Рассказ ведется от имени героя-фотографа, приехавшего, чтобы запечатлеть на пленке ценные архитектурные памятники. На территории весеннего, охваченного половодьем Полесья он оказывается одновременно с цыганами, справляющими поминки по своему верховному судье, утонувшему год назад при попытке спасти белорусскую девочку. Взаимное притяжение родственных душ героя и молодой цыганки-вдовы показано на фоне реалистического описания полесской природы, быта и обычаев жителей этого белорусского края. Цыганское и белорусское в облике и поведении главных героев переплетается и это подчеркнуто автором. Яна Бигоцка имеет белорусские имя и фамилию, говорит “чыста па-беларуску”, одета в *белом*, “сукенка – напалову палеская, напалову цыганская”, она “не табарная, з аседлых”. И Яна, и сам герой, дотошно ищут приметы цыганского в нем: его имя – Раман, а “ром” – “значыць, цыган, муж”, он – темный, подвижный, как вода (*рухавы*), у него – “цыганская зморшчына”, для Яны он – “сапраўдны цыган”. Цыганское здесь воспринимается не как однозначно привязанное к этносу цыган, а как способность к движению и к открытому проявлению чувств и эмоций, не ограничиваемых голосом разума. Именно такие люди могут населять несуществующую, миражную страну Цыганию. Найденный переводчиком эквивалент лексемы *краіна* – *страна*, отражает точно семантику белорусского слова и обогащает ее смысловым нюансом, связанным с дополнительным значением ‘направление, сторона’. Более полному раскрытию контекстуального значения слова *краіна* в рассказе способствует выбранный далее вариант перевода: *апошняя краіна – последен дом*. Страна для цыгана – это то место, где он находится сейчас, то место, куда он идет, и то место, где он закончит свой жизненный путь. Профессиональное занятие повествователя отражается в выборе языковых и изобразительных средств. Фотограф должен обладать повышенной чувствительностью к деталям изображения, к нюансам света и цвета, статики и движения. В.Короткевич ведет рассказ, тщательно выстраивая систему лексических и синтаксических

изобразительных средств. В ней центральное место занимают сравнения. В большинстве случаев они оформлены конструкциями с союзом *як*, передающимися в болгарском тексте при помощи компаративного союза *като*: *рухавы, як вада – подвижен си като водата, хваляваліся як мора – вълнуваха се като море, прадчуваў гэта, як сабака пажар у доме – предусецах го като куче пожар в къщата*. Модель перевода сохраняется и в случаях другого оформления сравнения: *ступні ног, вялізныя, нібы ў палескага злодзея – стъпалата на краката му огромни като на полески разбойник; вялі варанога цмока-каня – вран кон като змей*. В двух случаях сравнения подвергаются более чувствительной трансформации: во-первых, меняется образная основа: *далоні рук, як шчыты – дланите на ръцете му като лопати*; во-вторых, свертывается синтаксическая модель, а экспрессивность выражена лишь маркированной разговорностью лексемой: *дзяцей у кожнай было, як снапкоў – всяка имаше цяла сюрія деца (сюрія – тур. ‘множество, толпа, стадо’)*. Замена референтов сравнения другими, более привычными для переводящего языка, связана с задачей прагматического адаптирования текста к другой национальной аудитории. Это объясняет и замену одного из двух членов пары, символически представляющей в фольклорном стиле влюбленных героев: *ястраб – перапёлка*. В переводе птица, символизирующая женское начало, – куропатка (*яребица*). Эквивалент лексемы *перапёлка* в болгарском языке – *пъдпъдък*, является общим для всех представителей вида и относится к мужскому роду. Текст оригинала содержит ряд лексем и словосочетаний, несущих в себе национально-культурные компоненты семантики. Слова, обозначающие реалии, передаются С.Владимировым несколькими способами: 1. Генерализацией значения: *ручнік – везана кърпа* (букв.: расшитое полотенце), 2. Функциональными аналогами: *чайная – гостилница* (разг. ресторан, столовая), *гарэлка – ракия, крэндаль – геврек* (букв. – бублик); 3. Транскрибированием: *касцёлы – костёлы, вёрсты – версты*. Эта лексема в другом месте текста передана нейтрализующим национальный колорит общепринятым названием меры расстояния – *километри*, что указывает на некоторую непоследовательность в решении конкретной задачи. Семантические потери, связанные с неточной передачей значения слова или его части наблюдаются так же в следующих случаях: 1. При наличии межъязыковых омонимов: бел. *імёны і прозвішчы* – болг. *имена и прякори (прозвища)*. Перевод лексемы *прозвішча* болгарской *прякор(прозвище)* неточен, поскольку ей соответствует другое белорусское слово *мянушка*, отсутствующее в оригинале: *У беларускіх цыганоў амаль ва*

ўсіх беларускія: імёны і прозвішчы; такую неточность видим и в паре *індзейская ярасць – індыйска ярост* (болгарскому слову соответствует белорусское *індыйская*) 2. При нейтрализации национальной лексической метафоры: *ражок рота – крайцецът на устните* (краешек губ); 3. При упущении слов, концептуально важных для языка и стиля произведения: *шэптам* сказала яна – каза ты; здесь сокращение кажется неуместным при наличии многократного употребления оборотов, характеризующих речь героини: *сказала ціха, задумліва, хрыпавата, гартанна*; при нейтрализации лексической оппозиции *наш – ваш*: *Вашу* дзяўчынку ратаваў. *Наш*, цыган. – *Искаше да спаси едно момиченце*. (Хотел спасти девочку) *Нашият, циганинът*. 4. Варианты перевода слова двумя соответствиями, одно из которых имеет другую денотативную соотнесенность: *бэз – акация* и *люляк* (сирень); 5. Потеря части коннотативной информации метафоры: *воўчае сонца – жестоко слънце*; образ в исходном тексте опирается на фразеологизм *цыганскае сонца* (месяц), неизвестный болгарскому читателю и на переносное значение эпитета: *звяріны, чалавеканенавісніці*.

При формальной точности эквивалентов, слова-синонимы в переводе иногда не совсем точно отражают логику употребления близких по значению слов в оригинале. Контекстуальные связи лексем *твар* (*твары*) и *аблічча* в рассказе свидетельствует о том, что первая из них подчеркивает значение множественности, а вторая – значение индивидуальности и духовной жизни людей: *каменныя, бронзавыя твары; што ні распяты, то – Твар; аблічча распятага, суровасць аблічча*. Распределение эквивалентов *лице* и *образ* в болгарском тексте проходит по признаку “внешность живого – неживого и отношения подобия между ними”: *бронзови лица, строгост на лицето, лицето на разпънатија; каменни образи, всеки разпънат е образ*.

При переводе постоянно возникает необходимость дополнять исходные сообщения, вводя в них элементы смысла, имплицитные в оригинальном тексте. Это относится в первую очередь к лексемам и словосочетаниям, составляющим корпус лакунарных лексических единиц. Переводчик Симеон Владимиров успешно справляется с этой задачей, добавляя необходимый для адекватного понимания болгарский языковой материал: *паплавы – залети лъки, нямаяты – малки деца, сплаў – спущане по вода, нялётнае неба – небето, по което не можеше да се лети, шырокавугольнікі – широкогълни обективи, начлег – място на нощуване, раён – районен център, цукравы – захарния завод, захлыналася – задавяше се от вода*.

Вербальная экспликация семантики слов и морфем необходима во многих случаях и из-за расхождений словообразовательных и грамматических систем двух языков. Прилагательные с увеличительным суффиксом, выражающие усиленную степень качества передаются при помощи наречий степени: *шырачэзная – необикновено широка*; в других случаях основа значения прилагательного позволяет не прибегать к дополнительным средствам: *даўжэзны – дълга, вялізныя – огромни*.

Объяснительный перевод применяется и в случае наличия слов-эквивалентов с различиями в их узуальной сочетаемости: (*непапраўнасць-непоправимост*): *ад непапраўнасці – от чувство, че е станало нещо непоправимо*. Объективно обусловлено появление добавленных слов в связи с нормами формального выражения или невыражения семантических элементов глубинной структуры предложения. В переводе рассказа “Крайна Цыганія” на болгарский язык регулярно наблюдаются следующие случаи: 1. Добавления притяжательных местоимений в краткой форме: *пабойванні былі дарэмныя – страховете ми излязоха напразни; я сказаў імя і адрас – казах и името и адреса си, воласы былі цяжкія – косите и бяха тежки*; 2. Добавления дополнений при переходном глаголе: *ты з сабой не бяры – не ме вземай със себе си; як нагадаць – как да ви напомня, і я расказваў – и аз и разказвах*; в сочетании с характерным для балканских языков удвоением дополнения: *цыганоў нарадзіў вецер – циганите ги е родил вятърът; и мене ме разбираха тези каменни образи – і мяне разумелі гэтыя каменныя твары*; 3. Добавление слова *един*, связанное с необходимостью выразить формально оппозицию определенность-неопределенность: *да мяне падышоў змрочны дзядька – към мене се приближи един мрачен мъж; сівы Мафусаіл – един побелял Матусаил; вось дзяўчына – это едно момиче; я зняў каменны крыж – вдигнах един каменен кръст*; 4. Добавление глагола-сказуемого, подразумевающегося в исходном тексте (чаще всего в диалоге), связанное с меньшей распространенностью эллиптических предложений: *як гэта з ім – как така загина (погиб); ты ж не мог бы кавалём тут? – Не можеш ли да останеш(остаться) ковач тѣдява?; цёмны – тъмен си* (глагол-связка в болгарском не опускается); 5. Добавление десемантизированного существительного *човек* в качестве формального подлежащего в связи с меньшей частотностью односоставных предложений в болгарском языке: *и страшна было думаць – страшно беше дори да си помисли човек*.

Задача восстановить глагол дает возможность переводчику творчески подойти к тексту оригинала и найти вытекающий из контекста

экспрессивный вариант: *индзейская ярасць у вачах – в очите блика* (бьет ключом, струится, клокочет) *индийска ярост*. Решение о выборе той или иной формы глагола прошедшего времени при возможной вариантности перевода с белорусского на болгарский приводит к более четкой интерпретации смысла. Выбрав форму законченного прошедшего времени *даде*, а не перфектную *е дала*, переводчик снижает долю неуверенности и сомнения в рассуждениях героя: *А може би тя наистина ми даде душата си? – А можа, яна і сапраўды аддала мне сваю душу?* Можно с уверенностью говорить о сознательном использовании переводчиком возможностей грамматических средств болгарского языка для усиления представленности в тексте определенных значений: 1. Подчеркивание удивления особыми адмиративными глагольными формами: *И фотограф си довели! – І фатографа свайго прывезлі!..* 2. Дистанцированность говорящего при передаче чужих слов формами особого пересказывательного наклонения: *Разправят, че щяла да залее града, ако неговите жители не били наели булдозер... – Кажуць, заліло б горад, каб жыхары не нанялі бульдозер...3. Морфологическое выражение обращения звательной формой имени существительного: *Къде си ти, моя Циганийо? – Дзе ты, мая Цыгания?; соколе мой – сокал ты мой.**

Яркой особенностью стиля Владимира Короткевича является гармоничность используемых им языковых и образных средств. Определенные трудности при переводе рассказа “Країна Цыганія” возникают в связи с задачей представить разнообразие стилистически маркированных слов и выражений. Они являются и важным способом речевой характеристики персонажей. Просторечные слова звучат в речи полесских теток: *аркестра* (в переводе – нейтральное *оркестър*), *бацюшко* (болг. разговорное *отче*). Неправильная речь цыганских детей отражена диалектной формой частицы для образования форм будущего времени: *Кеды фоткі?! – Кога че (вместо ще) дадеш снимките?* Разговорная стихия представлена в репликах главных героев Яны и Романа, в описаниях автора-повествователя. Экспрессивно-эмоциональная окрашенность их языка основывается на частом использовании частиц, фразеологизмов и лексем, функционально привязанных к разговорному стилю: *унь какая; гэта быў мой хлеб, і ён быў смачны мне; тупаць; прашвэндаўшыся; абалдзеў; бандура з прычындамі*. Переводчик постарался передать эту особенность оригинала, подыскивая языковые средства с подобными функциональными характеристиками. При этом они могут появляться не обязательно на том же месте, где находятся в оригинале. В количественном

отношении случаи сглаживания экспрессии более часты: 1. Фразеологизм заменяется нейтральной лексемой или свободным словосочетанием: *збіла мяне з ног – сьбори ме* (завалила меня); *з усёй чыста зямлі – от цялата страна*; 2. Авторские инновации передаются общеупотребимыми или безобразными единицами: *карказломныя – стръмни* (крутые); *у каршэнь накладуць* (на основе фразеологизма *гнаць у каршэнь*) – *ще вземат да ме напердашат* (возьмут да и побьют меня); 3. Происходит стирание метафоры: *дзікія зливы – поройни дъждове* (ливневые дожди); *чэзлыя слупы дыму – тьнки стълбове дим*.

Замены – основной тип трансформаций в переводах с любого на любой язык. Регулярная при переводе с белорусского языка на болгарский замена существительного прилагательным приводит к трансформации характерных для Короткевича субстантивных сочетаний слов: *сiнь, зелень, залацістасць шаўкоў, срэбнасць намістаў, чырвань сукняў, медзь твараў – сини, зелени, златисти коприни, сребристи мъниста, тъмночервени поли, медни лица*. Различиями в частотности безличных и односоставных предложений объясняется их замена в болгарском тексте личными и двусоставными конструкциями. Номинативные предложения чаще переводятся двусоставными, что в полной мере отражает преобладание развернутых предикативных структур в болгарском языке: *Тлум, снеў хору і выгукі папа, убаку, проста на траве, купкі людзей. – Навалица, хорът пее и попът чете, встрани, направо на тревата, стоят групички хора*. Номинализация действий – сознательно выбранный автором прием противопоставления бурных проявлений природы и ограниченной активности людей. Контраст динамики и статики изображения в болгарском тексте выражен менее ярко. Выбирая те или иные слова, формы или конструкции, переводчик руководствовался стилистическими критериями. В результате он достаточно точно воссоздает содержание при некотором смещении в сторону снижения эмоционально-экспрессивной стороны повествования и большей определенности в представлении потенциально многозначной информации.